

Глава XI

МУЗЕЙ В ПЕРИОД «СОВЕТИЗАЦИИ»

В начале 1930-х годов власти взяли курс на всеобщую «советизацию» страны, которая выражалась в проведении индустриализации, коллективизации и культурной революции. Одним из важных моментов стала разработка новой национальной политики, которая сводилась к стиранию межнациональных особенностей. Прилагательное «советский» добавили к большинству названий: «советский народ», «советский ученый», «советская наука» и т.д. Научные периодические издания стали называться: «Советская этнография», «Советская археология», «Советский фольклор», «Советский Север», «Советская Арктика» и т.д. То есть все, что можно было, разделили на свое — «советское» и чужое — «буржуазное» и противопоставили друг другу.

Еще в 1917 г. при академии создали Комиссию по изучению племенного состава народов России и сопредельных стран (КИПС). Создание различных «комиссий» по новым направлениям научных исследований было обычной практикой. По завершении работы «комиссию» закрывали или на ее основе создавали самостоятельный НИИ. Сотрудники КИПС участвовали в этнографических экспедициях, занимались сбором коллекций, проводили научные исследования. КИПС занимала несколько комнат в здании в Таможенном переулке, расположенном напротив входа в МАЭ, в этом же здании находились музейные фонды. В 1929 г. Академия наук организовала проверку работы всех «комиссий». Проверяющие пришли к выводу, что КИПС дублирует работу МАЭ, на что руководитель КИПС академик Н.Я. Марр заявил, что МАЭ ведет музейную работу, а КИПС занимается разработкой новой национальной политики. Н.И. Платонова отметила: «Н.Я. Марр редко ошибался в своих предвидениях близкого будущего. Его чутье конъюнктуры было абсолютным, а его психопатическое состояние не притупляло, а скорее, обостряло его» [Платонова 2010: 231]. В декабре 1929 г. Н.Я. Марр направил пись-

мо в правительство, в котором просил учредить на базе КИПС научно-исследовательский институт. В январе 1930 г. заместителем Н.Я. Марра стал Н.М. Маторин. Он происходил из дворянской семьи, в 1919 г. вступил в ВКП(б), в 1922 г. был секретарем председателя Петроградского совета Г.Е. Зиновьева.

Создание Института антропологии и этнографии

1 февраля 1930 г. КИПС переименовали в научно-исследовательский Институт по изучению народов СССР (ИПИИ). Официально Н.М. Маторин остался заместителем Н.Я. Марра, в действительности он возглавил работу ИПИИ. Задачей руководства нового НИИ стало «разоблачение антимарксистских и антиленинских направлений в дореволюционной русской и зарубежной этнографии» [Соловей 1998: 197]. Ставка на разоблачение как на главное направление деятельности была инструментом для достижения личной власти. Разоблачение ведет не к созиданию и открытию чего-то нового, а к разрушению и уничтожению, что в дальнейшем и произошло как с этнографией, которую в 1932 г. объявили вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей доклассовое общество, так и с Н.М. Маториным, которого в 1936 г. арестовали и объявили «врагом народа».

Как показали дальнейшие события, ИПИИ изначально создавался как временная структура для занятия «марксистской молодежью» руководящих постов в МАЭ в обход Президиума АН. По Уставу АН директором академического учреждения мог быть избран только действительный член академии, то есть академик. В свое время, несмотря на трехгодичное противостояние с руководством АН в 1918–1921 гг., Л.Я. Штернберг не смог занять должность директора музея. Н.М. Маторин сразу стал действовать не как руководитель самостоятельного НИИ, а как директор музея. Его сотрудники занялись переустройством экспозиции по «бумажному» типу. Вместо предметов материальной культуры залы музея заполнили «лозунгами и цитатами, схемами, фото и статистическими таблицами» [Станюкович 1978: 200]. В октябре 1930 г. Н.М. Маторина официально назначили директором, а Исаака Натановича Винникова (1897–1973) — ученым секретарем МАЭ. Н.М. Маторин был единственным директором музея, не имевшим высшего образования. Т.Д. Соловей писала: «Его стиль в науке —

командный, требующий безоговорочного подчинения <...> Маторин считал себя лидером и ведущим теоретиком советской этнографии в силу своей административной позиции» [Соловей 2004: 222].

Н.М. Маторин пытался перевести с В.Г. Богораза на себя деловые контакты с зарубежными учеными. В 1932 г. он обратился в НМЕИ при Смитсоновском институте с предложением продажи коллекций МАЭ по народам Сибири, но это предложение не вызвало интереса у американских коллег. Также безрезультатно закончились его попытки установить деловые связи с французскими учеными [Маторин 1999]. В 1932 г. Н.М. Маторин заключил соглашение с ВОКС об издании на английском, немецком и французском языках сборника статей «Этнография, фольклор и археология в СССР», который предназначался для распространения за границей [Ethnography 1933]. 7 сентября 1934 г. Н.М. Маторин отправил однотипные письма в НМЕИ, АМЕИ, МАИ, МААЭ, Калифорнийский университет, Музей истории, науки и искусства Лос-Анджелеса, Бруклинский музей и Музей штата Нью-Йорк. Он предлагал провести обмен сибирских этнографических коллекций на американские, в частности на коллекции по ирокезам. Из Музея американских индейцев ответили, что их не интересуют коллекции по народам Сибири, а из Музея истории, науки и искусства Лос-Анджелеса, Бруклинского музея и Музея штата Нью-Йорк ответили, что не занимаются сбором этнографических коллекций. Обращение Н.М. Маторина в непрофильные учреждения свидетельствует о том, что он не понимал специфики американских музеев.

В 1933 г. ИПИН включили в состав МАЭ и на их основе создали Институт антропологии и этнографии (ИАЭ). В 1935 г. его переименовали в Институт антропологии, археологии и этнографии (ИААЭ), а в 1937 г. — в Институт этнографии (ИЭ). Чтобы исключить преюбилитет с дореволюционной наукой, в 1930 г. Н.М. Маторин и его окружение прекратили издание «Сборника МАЭ». Они всячески подчеркивали новизну и самостоятельность «советской» этнографии. Выходивший с 1926 г. журнал «Этнография» в 1931 г. переименовали в «Советскую этнографию». В 1934 г. ИАЭ стал издавать сборники «Труды Института этнографии» и «Советский фольклор», а с 1936 г. — периодическое издание «Советская археология».

С 1912 г. МАЭ был разделен на отделы, для Института антропологии и этнографии в 1934 г. создали «кабинеты», где работали те же сотрудники, что и в отделах музея. Кабинет Северной, Южной Америки и Африки возглавил Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903—1987). В следующем году этот кабинет разделили на две секции. В 1935 г. С.А. Ратнер-Штернберг без защиты диссертации присудили ученую степень кандидата этнографии и назначили заведующей секцией народов Америки. Одновременно в структуре музея остался отдел Центральной и Южной Америки под руководством Н.Г. Шпринцин. В 1937 г. были назначены два директора: МАЭ — Д.А. Ольдерогге и ИЭ — Василий Васильевич Струве (1889—1965). Тогда же при ИЭ создали единый сектор Африки, Америки, Австралии и Океании во главе с И.Н. Винниковым, а в структуре музея — отдел Северной Америки во главе с С.А. Ратнер-Штернберг. В марте 1941 г. объединили отделы Северной Америки, Центральной и Южной Америки. В 1941—1942 гг. директором ИЭ являлся И.Н. Винников. В разное время музейные отделы назывались кабинетами, секциями, группами, секторами. В дальнейшем будем говорить о МАЭ как о едином учреждении, разделенном на отделы.

Изучение научного наследия Л.Г. Моргана

В 1930-е годы от этнографов, как и от других представителей гуманитарных наук, требовалось развивать «теорию классовую борьбу». Как показать на экспозиции музея классовую борьбу у первобытных народов Америки, никто не знал. Поэтому при создании экспозиции упор сделали на формы хозяйства и процесс имущественной дифференциации. Залы народов Северной и Южной Америки «украсили» планшетами с портретами И.В. Сталина и цитатами из его выступлений. Главным предметом изучения советских американистов стали работы эволюциониста Льюиса Генри Моргана (1818—1881), которые использовал Ф. Энгельс при написании книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В 1932 г. в журнале «Советская этнография» опубликовали статью преподавателя Мичиганского университета Лесли Агнуса Уайта (L.A. White, 1900—1975). Он был одним из создателей неозволюционизма и пытался вернуть американской науке Л.Г. Мор-

гана, в то время уже почти забытого, подчеркивая в своей статье его достижения [Уайт 1932]. Тогда же была опубликована биография Л.Г. Моргана [Косвен 1932]. В 1933 г. вышла книга «Л.Г. Морган. Жизнь и учение» [Косвен 1933]. Что касается работ самого Л.Г. Моргана, то в 1934 г. на русском языке издали его книги «Древнее общество» [Морган 1934] и «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» [Морган 1934а]. В предисловии к последней книге Я.П. Алькор писал: «По отношению к этой книге в буржуазной науке существует подлинный заговор молчания. И это не удивительно. Нет другой в мировой этнологической и археологической литературе книги, в которой с такой последовательностью и откровенностью был бы доказан коммунистический характер первобытной жизни.

В наше время, когда вопрос о первобытном коммунизме приобрел большую теоретическую и политическую актуальность, когда против теории первобытного коммунизма — этой неразрывной части учения марксизма-ленинизма об обществе — сплотилась в бешеной злобе буржуазия и социал-фашистская наука <...> появление “Домов и домашней жизни” на русском языке сыграет положительную роль, так как даст первоклассный материал о коммунистическом характере хозяйственной жизни первобытных племен» [Там же: VIII].

Эта работа Л.Г. Моргана не получила признания и в Советском Союзе, на нее почти нет ссылок. В 1930-е годы между руководством МАЭ в лице Н.М. Маторина и И.Н. Винникова и руководством Института народов Севера в лице Я.П. Алькора и М.О. Косвена началось соперничество за издание работ Л.Г. Моргана. Постепенно инициатива перешла к И.Н. Винникову. Из США выписали книги Л.Г. Моргана, фотокопии его рукописей и других документов: «Институт антропологии, археологии и этнографии заключил договор с американским специалистом Б. Стерном (выпустившим в 1931 г. крупную работу о Моргане). Фотокопии отдельных документов уже начали поступать в портфель редакционного совета» [Бломквист 1936а: 126]. Всего МАЭ получил копии 222 документов и публикаций и 15 микрофильмов, за которые было заплачено 18 тыс. долларов. В то время это была очень большая сумма в иностранной валюте, которой МАЭ явно не располагал. Решение о публикации на русском языке работ Л.Г. Моргана было санкционировано партийным руководством и имело политический характер.

Рукописному наследию Л.Г. Моргана посвятили второй том ТИЭ — «Из архива Льюиса Генри Моргана» [Винников 1935]. Также было необходимо перевести его главный труд — монографию «Лига ходеносауни, или ирокезов». В отделе Америки работал сотрудник с хорошим знанием английского языка — Ю.П. Аверкиева, но С.А. Ратнер-Штернберг подвергла критике ее способности как переводчика [Нитобург 2003: 406]. Для перевода книги Л.Г. Моргана выбор остановили на сотруднице отдела русской и финской этнографии ГМЭ Е.Э. Бломквист, которую в 1935 г. пригласили на работу в МАЭ. В 1936–1938 гг. она сделала перевод, однако публикация книги «Лига ходеносауни, или ирокезов» была осуществлена только в 1983 г. [Морган 1983].

Конъюнктурность изучения работ Л.Г. Моргана была понятна современникам. Индолог Вирендранат Агарнатович Чатопада (Бирендранатх Чаттопадхья, 1880–1937), работавший в МАЭ, опубликовал критическую рецензию на книгу «Из архива Льюиса Генри Моргана», на титульном листе которой указана фамилия И.Н. Винникова. Он писал: «Название книги не соответствует ее содержанию. Книга эта не является, как можно было бы предполагать, оригинальной работой И.Н. Винникова о Моргане; это — сборник некоторых материалов из архива Моргана. Материалы эти изданы с введением, переводом и примечаниями И.Н. Винникова, функции которого свелись, таким образом, к функциям редактора-составителя. <...> После тщательного изучения книги мы, к сожалению, вынуждены констатировать, что она удовлетворяет далеко не всем требованиям, которые должны быть к ней предъявлены, и имеет целый ряд существенных дефектов» [Чатопада 1935: 173–174]. После этой преамбулы рецензент перечислил несколько десятков замечаний к «книге» И.Н. Винникова.

Изучение работ Л.Г. Моргана было необходимо для создания «советской» этнографии, которая изучала доклассовое общество. Создавалась преемственность от «прогрессивной» буржуазной науки в лице Л.Г. Моргана через марксистскую методологию в лице Ф. Энгельса к «советской» этнографии. При этом упор был сделан не на публикации Л.Г. Моргана, а на работы классиков марксизма-ленинизма. В 1936 г. вышел четвертый том ТИЭ под названием «Вопросы истории доклассового общества. Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”» [Вопросы 1936].

Сотрудники отдела Америки

О вкладе В.Г. Богораза в американистику говорилось в предыдущей главе. Здесь мы остановимся на научной деятельности других сотрудников музея, которые работали в отделе Америки в 30-е годы.

Сара (София) Аркадьевна Ратнер-Штернберг (1870–1942) происходила из купеческой семьи. После окончания женской гимназии в Могилеве в 1886–1889 гг. обучалась на физико-математическом отделении Высших женских (Бестужевских) курсов в Санкт-Петербурге. Как волонтер работала в МАЭ с 1910 г., 10 января 1917 г. ее зачислили в постоянный штат, в 1924 г. назначили заведующей отделом Северной Америки, в 1929 г. перевели на должность ученого хранителя с сохранением должности заведующей отделом Северной Америки. С.А. Ратнер-Штернберг опубликовала три статьи с описанием собрания МАЭ по традиционной культуре глинокитов [Ратнер-Штернберг 1927, 1929, 1930]. Их сравнение с ее неопубликованной работой «Музейные материалы по глинкам. Очерк IV. Техника глинокитов. 1928 г.» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. № 59. 58 л.] свидетельствует о том, что вышеупомянутые статьи были подготовлены при участии Л.Я. Штернберга. Чтобы подчеркнуть роль Л.Я. Штернберга в изучении древних связей между народами Северо-Восточной Азии и Америки, С.А. Ратнер-Штернберг опубликовала его монографию о социальных отношениях нивхов под названием «Семья и род у народов Северо-Восточной Азии» [Штернберг 1933].

В 1933 г. исследовательница подготовила из фотографий и плакатов «бумажную» выставку «Положение негров в Соединенных штатах Северной Америки», в 1934 г. прервала переписку с Ф. Боасом. В 1935 г. С.А. Ратнер-Штернберг назначили старшим специалистом секции Америки. За подписью «С.Ш.» (София Штернберг) она опубликовала критическую рецензию на книгу В.И. Иохельсона «История, этнология и антропология алеутов». С.А. Ратнер-Штернберг писала: «Из 86 страниц ее почти половина (40 стр.) посвящена истории открытия Алеутских островов и частью краткому описанию их природы и обитателей. Для русского читателя эта часть не дает ничего нового: она представляет собой извлечения из работы Л.С. Берга, опубликовавшего в 1924 г. найденные им в Главном гидрографическом управлении неизвестные

до того старинные материалы об Алеутских о-вах, а также цитаты из целого ряда наших путешественников и исследователей — Стеллера, Палласа, Сарычева, Вознесенского и др.

На долю же этнографии и антропологии алеутов приходится всего 25–26 страниц текста. <...> Хотя автор говорит, что его спутницей, мистрис Иохельсон, произведено 138 измерений над живыми алеутами и измерено 50 черепов. Вся глава об антропологическом типе алеутов занимает 1,5 страницы текста и дает лишь самые элементарные данные о форме черепа, а другим физическим признакам посвящено... 7 строк. В общем приходится признать, что за вычетом исторического очерка книга Иохельсона по своему содержанию совершенно не соответствует заглавию. Это собрание отрывочных данных по ряду этнографических категорий, без взаимной связи и без научного этнографического освещения...» [Ратнер-Штернберг 1935: 149–150].

В этой рецензии есть несколько неточностей. Страниц в книге В.И. Иохельсона не 86, а 91, архивные документы из публикаций Л.С. Берга он не переписал, а процитировал. Об использовании книги Л.С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» В.И. Иохельсон написал в примечании ко второй главе [Jochelson 1933: 13]. В его монографии нет цитат из документов И.Г. Вознесенского. Что касается вклада Д.Л. Иохельсон-Бродской в работу экспедиции, то кроме описания антропологического типа алеутов она сделала несколько десятков фотографий, 19 из которых приведены в книге «История, этнология и антропология алеутов».

В 1935 г. МАЭ посетила сотрудница АМЕИ Мэри Льюис Киссель (Mary Lois Kissell, 1874–1944) — специалист по плетению и ткачеству индейцев Северной Америки. Через нее С.А. Ратнер-Штернберг пыталась возобновить деловые связи с Ф. Боасом. В 1936 г. вышла брошюра С.А. Ратнер-Штернберг, посвященная расовым проблемам в США, и статья по социальным отношениям индейцев северо-западного побережья [Ратнер-Штернберг 1936, 1936а]. Несмотря на эти публикации, по своему социальному происхождению, образованию и возрасту С.А. Ратнер-Штернберг мало соответствовала образу «советского ученого». Когда 11 февраля 1937 г. Институт антропологии, археологии и этнографии и МАЭ в очередной раз разделили на два учреждения, то С.А. Ратнер-Штернберг перевели с научной на музейную должность — заведующей отделом Северной Америки. В конце 30-х годов в МАЭ

готовился к печати коллективный четырехтомный сборник «Очерки по этнографии народов зарубежных стран» под редакцией Д.А. Ольдерогге. Для этого труда С.А. Ратнер-Штернберг написала разделы «Тлинкиты» и «Индейцы Калифорнии», последний раздел вошел в первый том «Народы Америки» [1959]. В марте 1941 г. ее назначили руководителем объединенного отдела Северной, Центральной и Южной Америки. С.А. Ратнер-Штернберг скончалась в феврале 1942 г. во время блокады Ленинграда.

Юлия Павловна Аверкиева (Петрова-Аверкиева, 1907–1980) в 1931 г., вскоре после возвращения со стажировки из США, поступила на работу в МАЭ. Под руководством В.Г. Богораза она писала кандидатскую диссертацию. В июне 1935 г. Ю.П. Аверкиева защитила диссертацию по теме «Рабство у индейцев Северной Америки» [Аверкиева 1941]. В этой работе было высказано несколько новых для того времени идей. Например, о том, что процесс классового образования происходил не только в обществах с производящим, но и с присваивающим хозяйством. Ю.П. Аверкиева убедительно показала процесс классового образования у индейцев северо-западного побережья, основным занятием которых было рыболовство.

Уже отмечалось, что С.А. Ратнер-Штернберг выступила против кандидатуры Ю.П. Аверкиевой в качестве переводчика монографии Л.Г. Моргана. В августе 1931 г. Ю.П. Аверкиева вышла замуж за американца русского происхождения и продолжала совершенствовать свой английский язык. В воспоминаниях современников неоднократно подчеркивается, что она прекрасно владела английским языком. Ю.П. Аверкиева и С.А. Ратнер-Штернберг одновременно получили степень кандидата исторических наук, но Ю.П. Аверкиева защитила диссертацию, а С.А. Ратнер-Штернберг получила ученую степень за свою административную должность. В 1935 г. Ю.П. Аверкиевой исполнилось 28, а С.А. Ратнер-Штернберг — 65 лет. Они происходили из разных социальных слоев и получили разное образование. Невольно на С.А. Ратнер-Штернберг распространялся авторитет ее супруга Л.Я. Штернберга, а на Ю.П. Аверкиеву — авторитет ее американского учителя Ф. Боаса, в то время признанного главы американской этнографии. В то же время Ю.П. Аверкиева была представителем новой «советской» науки.

Она писала о статье С.А. Ратнер-Штернберг «Музейные материалы по тлингитам. Очерк II. Церемониальные принад-

лежности»: «Нельзя согласиться с объяснением потлачей С.А. Штернберг, которое очень похоже на объяснение Mauss'a <...> Весь процесс сугубо материалистичен. Раздаются не магические объекты, а одеяла, имеющие единственную “душу”, “душу денег”» [Аверкиева 1935: 47]. Ю.П. Аверкиева критиковала С.А. Ратнер-Штернберг за то, что она не понимает марксистской методологии и следует за «буржуазной» наукой. Как отмечалось, статьи с описанием тлинкитских коллекций С.А. Ратнер-Штернберг подготовила под руководством Л.Я. Штернберга. Он встретился с М. Моссом на международных конгрессах американистов и состоял с ним в научной переписке. Противостояние между Ю.П. Аверкиевой и С.А. Ратнер-Штернберг продолжалось и за область научных исследований: раздел о тлинкитах для «Очерков по этнографии народов зарубежных стран» подготовила С.А. Ратнер-Штернберг, Ю.П. Аверкиевой пришлось писать раздел «Дакота». В мае 1936 г. за разговор на улице с попавшим в опалу заместителем директора А.А. Бусыгиным Ю.П. Аверкиевой объявили строгий выговор с формулировкой «за политическую близорукость и потерю классово-бдительности», затем исключили из комсомола и в сентябре уволили из музея. В 1938 г. ее вновь приняли в штат МАЭ/ИЭ, летом 1941 г. Ю.П. Аверкиева переехала в Куйбышев.

Евгения Эдуардовна (Карловна) Бломквист (E.E. Blomkwist, 1890–1956) родилась в шведско-русской семье в Выборге. В сентябре 1903 г. вместе со своим отцом Карлом Эдуардом Бломквистом совершила поездку на Дальний Восток. Длительное время они провели в Порт-Артуре и Шанхае, откуда в начале 1905 г. на английском судне возвратились в Европу, по пути посетив Канаду, США и Великобританию.

В 1909–1914 гг. Е.Э. Бломквист училась на естественно-географическом отделении физико-математического факультета Императорского женского Педагогического института в Санкт-Петербурге. На ее дальнейшее становление как этнографа большое влияние оказали лекции профессора А.Л. Яценко. В июне–июле 1914 г. Е.Э. Бломквист находилась на стажировке в Германии и Швейцарии. В 1919–1923 гг. училась на этнографическом отделении Географического института, одновременно в 1919–1921 гг. работала внештатным экскурсоводом в МАЭ. Являясь подданной Финляндии, советское гражданство Е.Э. Бломквист получила

только в марте 1920 г. С 1921 г. приступила к работе в этнографическом отделе Русского музея, где занималась изучением этнографии финнов и русских. 1 марта 1935 г. перешла на работу в МАЭ, 25 октября того же года ей присвоили ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.

«В 1935 г. она переходит на постоянную работу в Музей антропологии и этнографии, где начинается новый период ее научной деятельности в области этнографии народов Северной Америки. Эта область интересовала Евгению Эдуардовну и раньше. Еще во время пребывания в Географическом институте она изучала коллекции отдела Северной Америки и выступала с публичными лекциями по культуре эскимосов. Со времени перехода в музей Академии наук Евгения Эдуардовна вплотную занялась проблемами изучения коренного населения Северной Америки. В том же году ею была подготовлена и опубликована карта хозяйства и техники индейцев Северной Америки, изданная в приложении к книге Б.Л. Богаевского “Техника первобытно-коммунистического общества”» [Евгения... 1956: 171].

Как отмечалось, в 1935 г. музей посетила американский этнограф М.Л. Киссель. Е.Э. Бломквист познакомил ее с экспозицией и фондами МАЭ. После возвращения в Нью-Йорк М.Л. Киссель отправила на имя Е.Э. Бломквист фотоколлекцию по народам Северной Америки. В 1936 г. Е.Э. Бломквист опубликовала путеводитель по североамериканской экспозиции музея [Бломквист 1936]. Е.Э. Бломквист пригласили на работу в МАЭ специально для перевода книги Л.Г. Моргана [Бломквист 1936а], поэтому темой ее научной работы стала этнография ирокезов. Во время Великой Отечественной войны Е.Э. Бломквист вместе с другими сотрудниками эвакуировали в Ташкент, где она находилась с 1942 по 1945 г. и занималась этнографией русских.

Мария Васильевна Степанова (1901–1946) в 1929 г. окончила ГИИИ по специальности «Музееведение», в 1936 г. поступила на работу в МАЭ. Она подготовила разделы «Гренландские эскимосы», «Алеуты», «Индейцы пуэбло» для упоминавшегося сборника «Очерки по этнографии народов зарубежных стран». Впоследствии ее материалы были использованы при подготовке первого тома «Народы Америки». М.В. Степанову интересовала проблема этногенеза алеутов и эскимосов. Она изучила археологические коллекции по древнеэскимосской культуре из сборов 1908–1910 гг.

управляющего горными промыслами на Чукотке Г.А. Борисова и Д.А. Беттака в ГМЭ и прочитала основную американскую литературу, особенно работы А. Хрдлички, который в июне 1939 г. посетил МАЭ. На заседании Ученого совета он представил доклад о древних связях между народами Сибири и Аляски по данным антропологии и этнографии. М.В. Степанова планировала совершить экспедицию на Командорские острова для комплексного изучения алеутов. Война помешала этим планам, первую блокадную зиму она провела в Ленинграде.

«В годы тягчайших испытаний блокады Мария Васильевна, не считаясь ни с бомбежками, ни с обстрелом, несмотря на большое сердце, делала все нужное, самое существенное для текущего момента: таскала песок и воду, мазала стропила суперфосфатом, дежурила на крышах и чердаках, тушила зажигательные бомбы, добывала крохи питания или лекарства, чтобы спасти жизнь мужу и товарищам» [Бломквист 1947: 215]. Супруг М.В. Степановой, исследователь народов Сибири Андрей Александрович Попов (1902–1960) вспоминал: «На Дворцовом мосту она попала под жестокий обстрел. Чудом спаслась, подробностей не помнила, очевидно, потеряла сознание. Но когда пришла в себя — видит, лежит в луже крови среди убитых людей. Надо было пережить весь этот кошмар» [Попов 2003: 25].

Нозми (Эмма) Григорьевна Шпринцин (1904–1963) в 1924 г. окончила факультет общественных наук Петроградского университета¹, в 1925–1930 гг. училась на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ. Одновременно работала на кафедре первобытного хозяйства и техники географического факультета университета, в октябре 1925 г. ее приняли в штат отдела Центральной и Южной Америки. Темой научной работы она выбрала изучение научного наследия бразильской экспедиции Г.И. Лангсдорфа. Н.Г. Шпринцин вошла в группу молодых сотрудников музея (И.Н. Винников, Н.И. Гаген-Торн, С.В. Иванов и др.), которые в 1928 г. направили критическое письмо в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук. Они писали, что руководство препятствует их инициативе по «социалистической» перестройке музея [Шангина

---

¹ Факультет общественных наук (ФОН) был создан в 1918 г. путем слияния восточного и историко-филологического факультетов.

1991: 72]. Впоследствии все авторы этого письма заняли руководящие посты в МАЭ/ИЭ.

Осенью 1928 г. во время пребывания в США В.Г. Богораз договорился с директором Этнографического музея в Гётеборге Э. Норденшельдом о стажировке для Н.Г. Шпринцин в музеях Швеции и Дании. Она планировала посетить Гётеборг и Копенгаген в августе—октябре 1929 г., но не получила разрешения на выезд из Советского Союза. В 1930 г. Н.Г. Шпринцин участвовала в подготовке «Антирелигиозной выставки» в Государственном Эрмитаже. В 1931 г. 27-летняя Н.Г. Шпринцин вошла в число 17 сотрудников музея (Н.М. Маторин, И.Н. Винников, Д.К. Зеленин, В.Г. Богораз и др.), получавших продуктовые карточки первой категории. В 1932—1933 гг. она являлась заведующей политико-просветительным отделом (Политпросветом) МАЭ, с 1933 г. — членом постоянной Музейной комиссии АН, в состав которой входили академики А.С. Орлов, А.Е. Ферсман, С.А. Зернов и другие известные ученые. В 1934 г. Н.Г. Шпринцин назначили заведующей отделом Центральной и Южной Америки. Н.Г. Шпринцин опубликовала несколько статей [Шпринцин 1936, 1936а] и готовила к печати монографию Г.Г. Манизера об экспедиции Г.И. Лангсдорфа, которую В.В. Радлов собирался опубликовать в 1918 г. в сборнике МАЭ.

В то время моральная обстановка в музее была очень тяжелой, сотрудники опасались высказывать какие-либо критические замечания. В октябре 1936 г. впервые арестовали подругу Н.Г. Шпринцин — Нину Ивановну Гаген-Торн (1900—1986), в заключении она находилась пять лет. В 1947 г. Н.И. Гаген-Торн арестовали вторично: «На последнем допросе ей показали дело 37-го года — показания Н. Г. Ш. (Н.Г. Шпринцин. — С.К.) о нелегальных сборищах у нее на дому с целью объединить этнографическую молодежь против коммунистов, обантисоветских настроений, нежелании заниматься современностью» [Гаген-Торн 1999: 327]. Также отметим, что в 1937 г., незадолго до ареста своего близкого друга, сотрудника отдела Сибири Ерухима Абрамовича Крейновича (1905—1985), Н.Г. Шпринцин прервала с ним все отношения [Роон, Сирина 2003: 61].

11 марта 1941 г. Н.Г. Шпринцин уволили по сокращению штата в связи с объединением отдела Центральной и Южной Америки с отделом Северной Америки. В 1941—1944 гг. она работала

в Государственном Эрмитаже старшим инспектором отдела учета и хранения, в октябре 1941 г. принимала на временное хранение в Эрмитаж особо ценные коллекции МАЭ. В 1944 г. перешла в музей ЛГУ, а затем вернулась в МАЭ.

Эрна Владимировна Зиберт (E.W. Siebert, 1908—1981) в 1925—1930 гг. училась на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ, в студенческие годы проходила практику в МАЭ — в отделе Центральной и Южной Америки и в отделе эволюции и типологии культуры. В 1930 г. работала в отделе картографии ИПИН, в 1934 г. ее приняли на должность научного сотрудника отдела Центральной и Южной Америки. Она занималась текущей музейной и учетно-хранительской работой. В 30-е годы Э.В. Зиберт практически не публиковалась. Сталинская действительность научила ее ничем не отличаться от других — ни одеждой, ни знанием языков, ни стремлением оставить свой вклад в науке. Нейтральная позиция позволила Э.В. Зиберт избежать ареста и в то же время не стать осведомителем НКВД.

В связи с сокращением штата 20 августа 1941 г. ее уволили. Несмотря на то что во всех документах Э.В. Зиберт писала, что она русская по национальности, из-за немецкого имени и фамилии ее нигде не брали на работу. Во время войны неработавший трудоспособный человек лишался продовольственной карточки. После длительного поиска работы Э.В. Зиберт, владевшей пятью европейскими языками, удалось устроиться в жилищно-эксплуатационную контору на рабочую ставку. Вероятно, «рабочая ставка» означала должность уборщицы или дворника. 27 февраля 1942 г. Э.В. Зиберт приняли на работу в Государственный Эрмитаж, с июня 1942 г. по сентябрь 1944 г. она находилась в эвакуации. Во время войны Э.В. Зиберт, Н.Г. Шпринцин и Е.Э. Бломквист поддерживали переписку друг с другом.

Алексей Владимирович Мачинский (Мочинский, 1910—1942) происходил из дворянской семьи. Он учился в Ленинградском историко-филолософско-лингвистическом институте (ЛИФЛИ) на факультете языкознания и истории материальной культуры, одним из его преподавателей был В.Г. Богораз. В январе 1932 г. А.В. Мачинский получил диплом музеоведа и историка Древнего Востока и поступил на работу в ГАИМК (с 1937 г. Институт истории материальной культуры). В МАЭ стал работать по договору с апреля 1934 г., в марте 1936 г. его зачислили в постоянный штат на

должность научного сотрудника. Сферой научных интересов А.В. Мачинского были древние цивилизации Латинской Америки.

В 1936 г. в МАЭ произошло чрезвычайное событие. В то время в музее регулярно проводились учебные пожарные тревоги. По сигналу пожарной сигнализации сотрудники с огнетушителями собирались у условно горящего шкафа, а затем расходились по кабинетам. Чтобы мобилизовать коллектив, руководство музея решило внести в учения «свежую струю». На экспозиции народов Мексики установили ящик, подожгли в нем несколько листов бумаги и включили сигнал пожарной тревоги. Сотрудники стали собираться у места возгорания, и тут выяснилось, что кто-то пришел без огнетушителей, у других огнетушители оказались в нерабочем состоянии. Между тем ящик загорелся и пламя перекинулось на шкафы, с треском лопнули стекла витрин и стали гореть экспонаты. Все бросились на поиск огнетушителей, перекрыли двери в другие залы и с большим трудом организовали тушение пожара, в результате «противопожарных учений» сгорело 459 предметов.

Как отмечалось, в 1936 г. в МАЭ доставили мексиканскую коллекцию, полученную в 1912–1914 гг. во время археологических раскопок в районе Аскапоцалько: «Это была специально подобранная <...> коллекция, <...> охватывавшая все основные этапы развития местных индейских культур — от доклассического (II–I тыс. до н.э.) и до момента гибели ацтекского государства под ударами конкистадоров в XVI в. н.э.» [Гуляев 2010: 279]. На основе этой коллекции А.В. Мачинский создал новую экспозицию «Древние культуры Мексики и Южной Америки» и подготовил ее путеводитель, который не был издан.

Для своего времени А.В. Мачинский активно публиковался, он подготовил десять статей по различным вопросам американистики [Мачинский 1934, 1936, 1936а, 1937, 1937а, 1938, 1940, 1940а, 1940б, 1941]. Для «Очерков по этнографии народов зарубежных стран» А.В. Мачинский написал вводный раздел о народах Мексики, главы об испанском завоевании Америки и древних цивилизациях: ацтеков, майя и инков. И.Ф. Хорошаева отметила, что материалы А.В. Мачинского были использованы при подготовке соответствующих разделов второго тома «Народы Америки» [Хорошаева 1976: 143], хотя в этой книге его фамилия не упоминается. В 1955 г. вышел сборник «Индейцы Америки», который пред-

шествовал двум томам издания «Народы Америки». В этом сборнике есть главы «История завоевания и колонизации Центральной и Южной Америки и современное положение индейцев» (автор Н.Г. Шпринцин) и «Индейцы майя» (авторы Н.Г. Шпринцин и Ю.В. Кнорозов) [Индейцы Америки 1955: 149–186]. При подготовке этих публикаций Н.Г. Шпринцин использовала рукописи А.В. Мачинского. Как представитель «эксплуататорского класса» общественной деятельностью А.В. Мачинский не занимался, целиком посвятив себя науке. В 1939 г. его призвали в армию для прохождения военной службы в должности переводчика, он погиб в 1942 г.

Полевые исследования среди эскимосов и алеутов

Кроме сотрудников отдела Америки, необходимо упомянуть о деятельности сибиреведов, учеников В.Г. Богораза, которые проводили полевые исследования на северо-востоке Сибири и изучали традиционную культуру азиатских эскимосов и алеутов Командорских островов.

Елизавета Порфирьевна Орлова (1899–1976) в 1921–1925 гг. училась на этнографическом отделении Географического института / географического факультета ЛГУ. В 1926–1927 гг. проводила полевые исследования на Камчатке. В 1928–1930 гг. работала в этнографическом отделе Русского музея и преподавала ительменский язык в ИНС. Летом 1930 г. по направлению Комитета народов Севера уехала в Хабаровск. В Дальневосточном отделении Комитета народов Севера Е.П. Орлова работала научным сотрудником, заведующей культурно-социальным сектором и начальником отдела нового алфавита. С помощью студентов-алеутов Дальневосточного техникума народов Севера (Николая Будакова, Павла Волокитина, Александра Ножикова, Моисея Панькова, Степана Сушкова и Александра Шадрова) Е.П. Орлова подготовила к печати алеутский букварь «Солнца восход», который не был опубликован¹.

---

¹ Неопубликованный экземпляр алеутского букваря Е.П. Орловой находится на хранении в отделе языков народов России Института лингвистических исследований РАН [Головко, Вахтин, Асиновский 2009: 21, 330].

Одновременно с эскимосами Николаем Лейта (1910–1975) и Бычковым Е.П. Орлова работала над составлением букваря «Наша книга: Первая эскимосская книга» на основе латинского алфавита, который был издан в 1932 г. [Xwaŋkuta 1932]. В.Г. Рахтилин писал: «В Чаплинскую школу тот букварь дошел лишь в одном экземпляре. <...> Размножить этот единственный экземпляр пришлось вручную. Благо, недостатка в добрых, отзывчивых руках в Сирениках не было. Так что стараниями Георгия Алексеевича (Меновщикова. — С.К.) и Тагъена, благодаря их самоотверженному труду каждый ученик соседнего Чаплино вскоре имел по экземпляру “рисованного” букваря» [Рахтилин 2001: 116].

Чтобы на практике проверить, как проходит обучение детей эскимосов по букварю «Наша книга», Е.П. Орлову командировали на Чукотку. В 1934 г. она посетила поселки Наукан, Унгазик (Чаплино), Урелики и Аслик [Орлова 1941]. Г.А. Меновщиков отмечал: «В 1933/34 учебном году в эскимосских школах селений Чаплино, Кивак, Урелики и Сиреники впервые было введено обучение детей начальной грамоте на их родном языке с помощью первого эскимосского букваря» [Меновщиков 1959: 138]. По результатам этой поездки Е.П. Орлова подготовила работу «Юпигиты — азиатские эскимосы», рукопись которой находится на хранении в архиве МАЭ [АМАЭ. Ф. К-II. Оп. 1. № 187. 85 л.].

Об экспедиции **А.С. Форштейна** к эскимосам уже говорилось. В 1933 г. его приняли на работу в отдел Сибири МАЭ, одновременно он стал преподавать в ИНС. А.С. Форштейн занимался созданием письменности для азиатских эскимосов. Он подверг критике букварь Е.П. Орловой, который, по его мнению, «составлен совершенно неграмотно и не только не помогает развитию национальной письменности, но, наоборот, оказал и продолжает оказывать в настоящее время вредное влияние на язык, упрощая морфологическую структуру до характера жаргона» (цит. по: [Решетов 2002: 278]). В 1935 г. А.С. Форштейн опубликовал свой вариант эскимосского букваря [Форштейн 1935] и перевел «Книгу для чтения» К.С. Сергеевой [Сергеева 1935]. На основе этих учебных изданий сразу появилось методическое пособие [Васильев 1935]. В 1934–1935 гг. совместная работа А.С. Форштейна и К.С. Сергеевой была очень плодотворна. В 1935 г. они подготовили перевод второй «Книги для чтения» [Сергеева 1935а]. Тогда же А.С. Форштейн опубликовал книжку эскимосских сказок [Forštejŋm 1935]

(в 1936 г. ее переиздали) и выступил в роли редактора детской книги Е.И. Чарушина, переведенной на эскимосский язык К.С. Сергеевой и Амкауна Нынлювак [Чарушин 1935]. Интересно отметить, что Е.П. Орлова, А.С. Форштейн и К.С. Сергеева не поддержали использование этнонима «юит» в отношении азиатских эскимосов. В своих работах они использовали этноним «юпигит» — «настоящие люди».

Катерина Семеновна Сергеева (1898–1975) в 1933/34 учебном году преподавала в школе в эскимосском поселке Урелики (Бухта Провидения). Она писала: «Школа <...> круглая деревянная беседка, составленная из двойных фанерных щитов и скрепленная, наподобие бочки, сверху и внизу двумя толстыми обручами на болтах. Промежуток между фанерными стенками щитов наполнен стружками и бумагой. <...> Посреди школьного домика <...> стоит большой чугунный камбуз. Когда он топится, в центре класса неопикуемая жара, у стен же, “на периферии”, только тепло. Охлаждаясь от наружной температуры, стены всегда мокрые, а через два-три часа по прекращении топки, когда температура внутри класса почти уравнивается с температурой вне класса, они покрываются сперва инеем, а потом изморозью. Фанерные стенки вследствие этого ежатся и образуют щели в местах соединения щитов и вокруг оконных рам. <...>

В школе три группы (нулевка, первая и вторая); занятия школы кончаются в 2¹/₂ часа дня, после чего сразу начинается работа по ликбезу, а после — работа бригады переводчиков. <...> В 1934 г. эскимосские школы не получили ни тетрадей, ни бумаги, ни карандашей и даже не было мела ни в одной эскимосской школе. Как начинать занятия с пустыми руками? И вот все зав. школами, съехавшись в бухте Провидения, находят выход в том, что, описав свое безнадежное положение, просят на каждом пароходе и у судкома (судовой команды. — С.К.) тетрадей, карандашей, резинок, чернил — всего, чем только может поделиться пароход. С уходом всех пароходов кончилась и “охота” за канцелярскими принадлежностями» [Сергеева 1935б: 54–56].

После возвращения в Ленинград К.С. Сергеева передала в МАЭ этнографическую коллекцию по азиатским эскимосам и в 1935 г. посещала лекции В.Г. Богораза.

Н.Б. Шнакенбург после возвращения с Чукотки в январе 1934 г. восстановился в ЛИФЛИ, где в то время преподавали ар-

хеологию и этнографию. В июле 1936 г. окончил институт, в октябре его приняли на работу в Музей Арктики. В 1937 г. он участвовал в «Корякской экспедиции» этого музея и проводил полевые исследования среди коряков и кереков [Шнакенбург 1939: 85–104]. 1 апреля 1938 г. Н.Б. Шнакенбурга зачислили в штат кабинета/отдела народов Сибири ИЭ. Ему утвердили плановую тему научной работы «Эскимосы СССР: историко-этнографический очерк», его научным руководителем был Г.Н. Прокофьев. Таким образом, Н.Б. Шнакенбург стал следующим сотрудником МАЭ после В.Г. Богораза и А.С. Форштейна, который занимался изучением азиатских эскимосов. В 1941 г. он подготовил к защите кандидатскую диссертацию, однако защититься не успел. В начале Великой Отечественной войны Н.Б. Шнакенбург добровольцем ушел на фронт, с октября 1942 г. числится пропавшим без вести. Рукопись его диссертации находится в архиве МАЭ [АМАЭ. Ф. 36. Оп. 1. № 124. 128 л.].

Более подробно расскажем о результатах исследований алеута **В.П. Хабарова** — ученика Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. В.П. Хабаров учился в Ленинграде с 1925 по 1931 г., был одним из наиболее активных студентов. Зимой 1928 г. сотрудники Ленинградской государственной консерватории записали на фонограф несколько алеутских песен. Их надиктовал студент-алеут Института восточных языков [Коллекции 2005: 16–17, 36]. Вероятно, этим студентом был именно В.П. Хабаров. В марте 1928 г. он участвовал в работе V пленума Комитета народов Севера в Москве, его избрали в состав редколлегии сборника «Тайга и тундра», редактором которого стал В.Г. Богораз, а его заместителем — Ян Петрович Алькор (Кошкин, 1900–1938). В 1929 г. на основе Северного факультета Ленинградского восточного института создали Институт народов Севера (ИНС).

Есть воспоминания о пребывании В.П. Хабарова в ИНС: «Он лучше всех умел рассказывать о своем крае, о своих Командорских островах. <...> (В.П. Хабаров вспоминал. — С.К.) — Бывают дни, когда острова дрожат и бушует стихия. <...> В эти дни до жителей доносится рев морских зверей, страшный и печальный. А после, словно задабривая рыбаков, ласковое и притихшее на несколько часов море выбрасывает на берега островов разные подарки. На холодный, грубый ковер прибрежного песка волны выносят морскую капусту, ракушки и тухлые туши животных» [Рохман

1935: 48–49]. В 1931 г. состоялся первый выпуск 15 студентов IV курса ИНС, в числе которых были супруги Хабаровы.

В середине 1930-х годов В.П. Хабаров поступил в аспирантуру ИНС, он готовил кандидатскую диссертацию «Котиковое хозяйство в СССР». Его научным руководителем был известный исследователь Командорских островов Евгений Константинович Суворов (1880–1953). В.П. Хабаров поддерживал деловые отношения с сотрудниками отдела Сибири: В.Г. Богоразом, С.В. Ивановым, Г.Н. Прокофьевым. Он участвовал в написании статей об алеутах для невышедших трудов: «Дальневосточной энциклопедии» и сборника «Народы Сибири и Дальнего Востока» (последний сборник готовился к печати в МАЭ в конце 30-х годов). Приведем несколько цитат из рукописи В.П. Хабарова 1938 г., относящихся к описанию культуры алеутов Командорских островов: «Жители Алеутских островов имели множество местных названий. <...> Атхинцы — Ниггугиш (нынешние Беринговцы). <...>

Наоборот, алеуты Аттовских островов называли себя Унанган — то есть в тылу по отношению полуострова Аляска. Надо сказать, что слово “Унанган” следует понимать двояко и нераздельно. Вернее, сперва их (жителей восточной части Алеутских островов. — С.К.) (аттовские) за воинственность, за удачливости побеждать называли Унанган, а позже сами аттовские стали называть себя Унанган. Кроме того, слово “Унанган” — ведь это гордость самоназвания алеутов, связанное воинственностью и удачливостью побеждать врага внезапно. Отсюда самоназвание Унанган (нынешние медновцы)» [АМАЭ. Ф. К-V. Оп. 1. № 106. Л. 1–2].

«По данным Алеутского райисполкома, на 1 января 1938 г. алеутов в СССР — 336 чел.; мужчин — 155, женщин — 148. <...> Берингийцы свой остров называют Танамаш, то есть “наша земля”, а Медный — Икун Тангих, значит “морской камень”. Медновцы остров Беринга называют Икун Танак — видимая земля, а свой остров, то есть Медный, — Танамах — значит “наша земля”» [АМАЭ. Ф. К-V. Оп. 1. № 106. Л. 3].

«У Командорских алеутов полуземлянки строились иначе: яма была не больше 0,5 метра глубины, отверстие в крыше (улюгих) служило исключительно для дымохода, для входа и выхода была приспособлена в стенке дверь (камэгих). Внутри у стенки располагались нары для спанья, костер (очаг. — С.К.) каменный находился в углу и был уже приспособлен так, что можно было

печь хлеба. 70-е годы прошлого столетия, эти юрты были заменены досчатыми домами, построенными компанией Гетчинсоны, где алеуты жили отдельными семьями. Эти дома отапливались привозным углем или кипятком. Внутреннее устройство: скамьи, столы, полки и т.д. того же типа, как и у русских на Камчатке. Утварь исключительно покупная. Национальная одежда у Командорских алеутов сохранилась частично лишь промысловая: непромокаемая обувь (улэгих) и плащи (чигях и ливташни), остальные вытеснены привозными платьями европейского покроя» [АМАЭ. Ф. К-V. Оп. 1. № 106. Л. 18–20].

«По своим религиозным воззрениям алеуты были анимистами-шаманистами. Весь мир, по их представлениям, населен духами. Особенное значение в культе имели: души людей, промысловых животных — души нерпы и трески, духи хозяев вод, утесов, стихий, враждебных человеку. Заговоры, рисунки, талисманы имели широкое распространение. Функции шаманов были: общение с духами для обеспечения удачи в промыслах и борьбе с духами — похитителями душ человека или духами, вселившимися в человека. <...>

Основными сюжетами повествовательного творчества были родовые предания, рассказы о путешествиях и приключениях героев, о посещении ими чужих поселков населенных великанами (аглигих), карликами (чалькаках), разными животными духами. Героём многочисленных мифов являлся ворон. Большое место в алеутском фольклоре занимают юмористические рассказы о плохих охотниках. Песенное творчество алеутов: шаманские, игровые, былинные, лирические и др. Влияние христианства получило свое отражение в фольклоре; рядом с разнообразными мифами о вороне, аглигих и чалькаках, в рассказах о происхождении промысловых животных, приключениях героев — возникли сказания о творце неба (агогех), о нечистой силе (инунаннах) и о помощнике последней (чугугорох) и т.д. Магические фигуры, художественно сделанные из дерева, кости, клыка, камня и раскрашенные красками (из крови и желчи животных и разноцветной глины), получили свое отражение в изобразительном искусстве алеутов, в том числе в татуировке и раскрашивании лица. Религиозное значение имели и пляски (кагаюгих) в раскрашенных масках, изображающих героев, животных (нерпа и треска) и духов» [АМАЭ. Ф. К-V. Оп. 1. № 106. Л. 23–25].

В примечании к статье В.П. Хабаров отметил, что «материалами по языку служили, ныне сохранившиеся сказки и рассказы на алеутском языке: Кугам Икгана (Чертова старушка), Кагляги-музах (Ворон-вороненок) и др.» [АМАЭ. Ф. К-V. Оп. 1. № 106. Л. 41]. Сейчас местонахождение этих фольклорных текстов неизвестно [Легенды 1985: 395].

* * *

В 1940 г. руководство МАЭ решило переработать сборник «Народы Сибири и Дальнего Востока» и на его основе подготовить том «Народы Сибири». При обсуждении новой книги отказались от публикации рукописи В.П. Хабарова и поручили написать статью о командорских алеутах сотруднице отдела Сибири **Валентине Васильевне Антроповой** (1909–1976). При ее написании В.В. Антропова использовала публикации В.И. Иохельсона, Н.А. Гребницкого, Е.К. Суворова, вышепроцитированную рукопись В.П. Хабарова и устные сведения, полученные от кого-то из алеутов. Вероятно, ее информантом был именно В.П. Хабаров, который в 1940 г. находился в Ленинграде. В.В. Антропова писала: «Тов. Хабаров, бывший студент Института народов Севера в Ленинграде, успешно защитил диссертацию и первым из алеутов получил звание (ученую степень. — С.К.) кандидата географических наук» [АМАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. № 232. Л. 441]. В 1941 г. его диссертацию опубликовали в виде отдельной книги [Хабаров 1941].

Ниже приведем несколько цитат из работы В.В. Антроповой: «Среди командорских алеутов распространено два самоназвания: жители о. Беринга считают своим самоназванием “унанган”, о. Медного — “алеуты”. Кроме того, среди жителей о. Медного встречается самоназвание “сасигнан”. Оно распространено главным образом среди алеутов, переселенных в прошлом столетии с Курильских островов» [АМАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. № 232. Л. 399]. «Численность алеутов Камчатской области составляла по переписи 1926 г. 345 чел., из них: мужчин — 177 и женщин — 168. На родном языке говорило 332 алеута. По данным Алеутского райисполкома, на 1 января 1938 г. алеутов было 336 человек, из них на Командорских островах — 303 человека» [АМАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. № 232. Л. 401].

«Особенно много разных примет было связано с промыслами. Например, если морские животные (котик, бобр, сивуч) попадались в речке, то это предвещало несчастье. При шторме во

время охоты на сивуча делали маленькую лодочку, помещали в нее насекомое и пускали по волнам со словами: “Останови шторм с этой стороны, чтобы пришли сивучи”. Во время штормовой погоды обращались к ветру, чтобы он перестал бушевать; если было нужно вызвать ветер, то свистели. <...> Распространены были различные поверья о великанах (аглигах) и карликах (чалакоках). Великан, по представлениям алеутов, жил в горах, от его крика получалось эхо. Карлики жили в земле, роль, приписываемая им, походила на роль русского домового, отчасти лешего: украсть юколу, сорвать крыши, всячески посмеяться над человеком. <...>

Фольклор командорских алеутов богат и разнообразен. До сих пор сохранились сказания, записанные разными путешественниками еще в конце XVIII столетия у жителей Алеутских островов. Наиболее распространены сказания мифологического характера о превращении людей в животных и о различных сверхъестественных существах, легенды о подвигах героев и бытовые рассказы из современной или прошлой жизни. <...> Большое место в алеутском фольклоре занимают юмористические рассказы о неудачливых охотниках, о курьезных случаях на промыслах и др. Например, охотник, в бобровые сети которого попался котик, становится объектом шуток и сатирических рассказов всего селения. <...>

Прежде у алеутов были распространены различные сценические танцы. Исполнители изображали в костюмах и масках различные сцены из промысловой и бытовой жизни. Танцы обычно состояли из нескольких действий, в которых попеременно выступали танцоры, изображающие животных и людей-героев. Танцы происходили под аккомпанемент различных музыкальных инструментов и часто сопровождалась пением. Музыкальные инструменты (чайях и др.) представляли из себя особого вида барабаны, обтянутые кожей котика, сивуча или нерпы, поверх которой натягивались струны из жил. Другим типом музыкального инструмента была дощечка, по форме напоминающая камерон. Национальные танцы и музыкальные инструменты давно вышли из употребления. Последний раз подобный танец был исполнен в 1912 г. по специальному заказу команды одного из русских пароходов» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. № 232. Л. 434–437]. В 1956 г. том «Народы Сибири» издали, но если рукопись В.В. Антроповой насчитывает 44 машинописные страницы, то ее статья «Алеуты»

в упомянутом томе состоит всего из четырех страниц [Народы 1956: 986–990].

Что касается других сотрудников музея, которые занимались изучением этнографии алеутов, то отметим, что в 1942 г. отдел Сибири возглавлял **Михаил Алексеевич Сергеев** (1888–1965), после войны он работал в МАЭ в 1945–1951 гг. Еще в 1938 г. М.А. Сергеев опубликовал книгу «Советские острова Тихого океана», в которой привел интересное описание алеутов Командорских островов [Сергеев 1938: 88–110, 125–138]. Также в отделе Сибири в 1935–1941 гг. по совместительству работал известный историк и архивист, специалист по Русской Америке **Александр Игнатьевич Андреев** (1887–1959). Одновременно он состоял в штате ИНС, в 1936–1942 гг. был сотрудником Института истории, с 1938 г. — членом Всесоюзного географического общества. В дальнейшем будем упоминать А.И. Андреева как сотрудника того учреждения, которое он представлял на различных совещаниях и конференциях.

* * *

В конце 30-х годов некоторые московские коллеги попытались воспользоваться тем обстоятельством, что к тому времени были репрессированы многие сотрудники МАЭ/ИЭ, ГМЭ, ИНС, и стали выступать за создание в Москве Всесоюзного института этнографии в противовес ленинградскому Институту этнографии. В 1939 г. В.В. Богданов писал: «Советская этнография, освобожденная теперь от засилья группы негодяев, достаточно жизнеспособна. <...> Сейчас перед советской этнографией стоят определенные, реальные задачи, потому что она есть наука о народах СССР, об их национальном прошлом и об их славном настоящем, в котором расцвели их национальные силы на основе ленинско-сталинской национальной политики. <...> Нужно сейчас же, без больших промедлений, выработать проект специальной научной организации, солидной, хорошо вооруженной кадрами, материальными средствами, содействием партии ВКП(б) и правительства СССР. Такую организацию следует создать в виде Всесоюзного института этнографии при Академии наук СССР, с соответствующими филиалами, действующими в главных научных центрах национальных республик» (цит. по: [Решетов 2003: 37]).

В.В. Богданов как ученый сформировался задолго до революции 1917 г. В 1892 г. он окончил МГУ, еще в студенческие годы вступил в Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ/ОЛЕАЭ), где работал до 1939 г. С 1889 по 1917 г. являлся секретарем, а затем редактором журнала «Этнографическое обозрение». Он не выступал с антиправительственными публикациями и не участвовал в революционном движении. Наоборот, как государственный служащий В.В. Богданов давал присягу на верность императору. Его пере рождение в сталиниста было вызвано желанием занять очередную руководящую должность.

В декабре 1942 г. москвичам удалось сместить И.Н. Винникова с поста директора ИЭ. И.Н. Винников так прокомментировал свое увольнение: «По слухам, мне инкриминируется то, <...> что предложенный мой план работы на 1943 г. “слишком академичен, носит невоенный характер”. Московские “этнографы” в свое время ликвидировали все московские этнографические учреждения, а теперь, оставшись не у дел, воспользовались близостью к центральным организациям и завладели последним из оставшихся этнографических учреждений — Институтом этнографии» (цит. по: [...твое письма 2013: 320]).

Межмузейные передачи коллекций

В 1930-е годы в ленинградских музеях проводилась ревизия, по результатам которой непрофильные коллекции передавались в другие музеи. Таким образом, в 1930 г. из Строгановского дворца-музея в МАЭ поступила коллекция из 43 предметов по алеутам и эскимосам (№ 4087). Возможно, она происходит из собрания Сергея Григорьевича Строганова (1794—1882) — коллекционера, мецената, основателя и председателя Императорской Археологической комиссии в 1859—1882 гг. Известно, что его брат, Александр Григорьевич Строганов (1795—1891), приобретал для своего частного собрания ювелирные изделия и скульптуру народов древней Мексики [Гуляев 2010: 278]. Собрание графов Строгановых формировалось на протяжении двух веков и представляло собой настоящий музей.

В том же 1930 г. в МАЭ поступили четыре коллекции (№ 4104, 4105, 4155, 4196) из Военно-морского музея по эскимосам, алеутам,

тлинкитам и хайда общей численностью 180 предметов. В следующем году поступила еще одна коллекция по народам Аляски из 95 предметов (№ 4270). В 1931 г. из Института пролетарского искусства (бывшая Императорская Академия художеств) поступила большая коллекция из 108 предметов по народам Русской Америки (№ 4291). Как и коллекции Военно-морского музея, она была собрана русскими мореплавателями. Также из Института пролетарского искусства передали четыре перьевых украшения мундуруку из Бразилии (№ 4284), возможно, эти вещи происходят из сборов участников экспедиции Г.И. Лангсдорфа. Музей ИАХ был основан в 1757 г. В этот музей передавали свои этнографические коллекции художники, участвовавшие в морских кругосветных экспедициях, и некоторые мореплаватели, в частности В.М. Голловнин.

В 1931 г. в МАЭ провели перерегистрацию всех американских коллекций и более двухсот предметов, которые к тому времени утратили этикетки, объединили в коллекциях № 4157, 4193. В 1932 г. из ЛГУ поступило 50 обсидиановых орудий, найденных во время археологических раскопок в Мексике (№ 4428). Тогда же из ГАИМК в Ленинграде передали две небольшие археологические коллекции. Одна из них состоит из 25 изделий из кости алеутов и эскимосов (№ 4507), другая — из девяти предметов народов Русской Америки (№ 4508).

В начале 30-х годов в МАЭ передали этнографическую коллекцию из бывшего Музея народного училища барона Штиглица (МНУБШ). В 1923 г. этот музей перевели из ведения Академии художеств в Государственный Эрмитаж, после чего МНУБШ переименовали в I филиал Государственного Эрмитажа. В начале 30-х годов филиал закрыли, а его коллекции передали на хранение в несколько ленинградских музеев. Американская часть этнографической коллекции МНУБШ состояла из нескольких корзин индейцев Калифорнии. После поступления в МАЭ эти корзины не были зарегистрированы и хранились как безномерные предметы в фондах.

В 1938 г. состоялась передача пяти североамериканских коллекций (№ 5795, 5800, 5802, 5803, 5805) из 75 предметов из Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ). В основном это собрание состоит из вещей тлинкитов, хайда, нутка, северных атапасков, но в него также вошло несколько алеутских и эскимос-

ских вещей, хотя их основная часть осталась на хранении в ГМЭ. В свою очередь отдельные части этого собрания поступили на хранение в ГМЭ в 1907 г. из Царскосельского арсенала, в 1909 г. — из музея Киевского университета, куда они поступили из университетского музея г. Вильно [Рерих 1910], в 1928 г. — из дворца-музея графа А.А. Бобринского. Алексей Александрович Бобринский (1852–1927) — археолог, видный общественный и политический деятель, в период с 1886 по 1918 г. возглавлял Императорскую Археологическую комиссию. В состав коллекции А.А. Бобринского входят девять костяных амулетов тлинкитского шамана (№ 5795–39–47). Основная часть этнографической коллекции по народам Русской Америки Царскосельского арсенала состояла из сборов Михаила Дмитриевича Тебенькова (1802–1872) — главного правителя русских владений в Америке в 1845–1850 гг. Собирателем коллекции Киевского университета был один из православных миссионеров с Аляски.